— Вы, ребята, даете! Так вот просто всё внутри коллектива переварили? У вас с Ян Юем что, никаких других целей нет? — подтрунивал Усы.

Ван Ян с ухмылкой отступил на два шага, прижался к Ян Юю и, состроив застенчивую гримасу, жеманно протянул:

— Мы с ним тоже планируем «внутреннее переваривание».

Ян Юй, до этого хранивший молчание, отбросил свою обычную робость и закатил глаза.

— Я не забуду рассказать об этом твоей до-ро-гой, лю-би-мой… куколке!

Ван Ян замер. Вспомнив свою неистовую вторую половинку, он с искаженным от ужаса лицом взмолился:

— Ян Юй, брат Ян, братец Юй, дедушка Ян! Смилуйся, забудь об этом, оставь мне хоть шанс на выживание!

Нин Циянь и остальные едва не повалились со смеху.

***

Три дня спустя, ранним утром, когда четверо друзей собирались отойти ко сну, снаружи внезапно раздался звук громкоговорителя.

Они вскочили и бросились к выходу из пещеры, чтобы прислушаться.

— …Внимание! Внимание, граждане! Всем, у кого последние семь цифр нового удостоверения личности находятся в диапазоне от 0000001 до 0010000, просьба сегодня до четырех часов вечера явиться к временному медицинскому пункту у подножия горы для бесплатной вакцинации от Х-вируса. Повторяю, внимание, граждане! Новые удостоверения…

Нин Сяовэнь поспешно вернулся в пещеру и достал удостоверения, которые все эти дни лежали под подушкой.

0000989, 0000990, 0000991, 0000992.

Перепроверив дважды и убедившись, что все их номера попадают в указанный интервал, он убрал документы.

— Встанем пораньше, сразу после обеда, и займем очередь. Судя по номерам, нас тут десять

тысяч человек, если прийти позже, неизвестно, сколько придется простоять.

Нин Циянь и остальные не возражали — нужно было как следует выспаться.

Около двух часов дня они проснулись, слегка перекусили и, вооружившись зонтами, спустились с горы. Даже несмотря на то, что они пришли за час до начала, перед медпунктом уже выстроилась длинная очередь. Они встали в самый конец и, как и остальные, принялись ждать под палящим солнцем.

К четырем часам площадка перед медпунктом была забита людьми до отказа.

Им повезло оказаться в начале очереди, так что они видели вход. Как только время подошло, двери открылись. Врачи, медсестры и солдаты, поддерживающие порядок, вынесли двадцать небольших столов. За каждым столом сидели по три врача, один солдат и четыре-пять медсестер.

Вакцинацию проводили партиями по шестьдесят человек. Каждого пациента принимали за столом двое врачей, предварительно передав удостоверение солдату. Третий врач стоял рядом на случай непредвиденных осложнений. Медсестры беспрестанно курсировали между столами и зданием медпункта, вынося вакцину — чтобы сохранить её активность, за раз разрешалось брать не более двух ампул. Как только приносили новую партию, тут же приходилось бежать за следующей.

Процесс шел гладко и быстро. Едва Нин Циянь и остальные сделали прививку и отошли в сторону, чтобы выждать полчаса под наблюдением, громкоговоритель ожил снова: теперь вызывали граждан с номерами от 0010001 до 0020000.

Видимо, вакцина переносилась хорошо, так как случаев аномальных реакций было крайне мало. К тому времени, как Нин Циянь и его друзья вернулись домой, трансляции о вакцинации уже шли одновременно на водозаборной станции и в пунктах обмена.

К девяти утра следующего дня вакцину получили уже четыреста пятьдесят тысяч человек.

Пять дней спустя эпидемия, унесшая в городе D триста семьдесят тысяч жизней, наконец отступила.

На горе стало оживленно. Большинство людей, которые до эпидемии предпочитали не покидать своих «трех соток», начали выходить из домов. Соседи — знакомые и незнакомые — кивали друг другу и улыбались, словно радуясь тому, что они всё ещё живы.

А внимание Нин Цияня и его компании было приковано к озеру Слезы, уровень воды в котором упал почти наполовину.

— Началось! Началось! Скорее, кто-нибудь, берите побольше мешков и бегите вниз!

Нин Циянь только закончил готовить и вместе с Нин Сяовэнем выводил кур и уток из пещеры. Днем стояла жара, и они боялись, что птица погибнет, поэтому выпускали её только по вечерам, а утром загоняли обратно.

— Где Усы? — Нин Сяовэнь схватил за рукав Кэ Чэнвэя, который только что прибежал с криками. Ду Чэн сегодня встал поздно, поэтому Усы отправился за водой один.

Хотя теперь воду можно было не экономить так жестко, таскать её каждый день всё равно было тяжело. Последние несколько дней они ходили за водой вместе с Ван Яном и его друзьями — в основном для того, чтобы следить за рыбалкой на озере Слезы, а забор воды был лишь поводом.

— На озере вышли лодки, начали рыбачить! Брат Усы велел мне подняться и позвать вас, а сам остался там караулить!

Узнав, где находится Усы, Нин Сяовэнь отпустил его, взял четыре-пять больших пластиковых пакетов и вместе с Ду Чэном спустился с горы.

Нин Цияня оставили дома присматривать за хозяйством — никто не питал иллюзий насчет его выносливости, так что ему оставалось только ждать.

Ожидание затянулось на четыре с лишним часа. Солнце уже начало садиться, когда троица вернулась.

Ду Чэн и Усы несли по ведру, а у Нин Сяовэня в руках было два небольших пакета.

Нин Циянь принял пакеты у Нин Сяовэня и заглянул внутрь: там было больше фунта речных креветок и около трех фунтов улиток.

Креветки были размером с палец, плотные и мясистые.

— Рыбу съедим пару штук, остальное пока подержим в ведре, — сказал Усы, ставя ведро на пол.

Нин Циянь заглянул в ведра.

В них было пять рыб. Один крупный толстолобик, весивший фунтов пять-шесть, занимал целое ведро. Остальные четыре — амуры, каждый примерно по три фунта.

— Толстолобика долго не сохранишь, приготовим сегодня же. И достаньте одного амура. Брат Усы, разведи костер. Ду Чэн, помой улиток и креветки, сегодня устроим пир! — Нин Циянь выловил толстолобика и пошел за ножом.

Ловким движением он оглушил рыбу, выпотрошил её и отделил голову от туловища. Голову, тщательно очистив, он передал Нин Сяовэню — её решили сварить с водой. Туловище нарезали на куски, чтобы позже потушить в соевом соусе. Уха из головы толстолобика из озера Слезы была невероятно вкусной — Нин Циянь помнил это блюдо ещё с тех пор, как их компания ездила на пикник к горе Цанъюнь. Во-первых, это было очень вкусно, а во-вторых — безумно дорого: такой котелок ухи стоил больше четырехсот юаней.

Второго амура решили приготовить на пару.

Креветки отварили — панцири стали тонкими и ярко-красными, а мясо — нежным и сладковатым. Их ели в чистом виде, чтобы насладиться естественным вкусом.

Улитки из озера Слезы были с зеленоватыми раковинами: небольшие, но очень нежные. Нин Циянь раньше покупал их часто — обжаривал с зеленым луком, бадьяном и специями, а потом выпаривал соус. Густая подлива пропитывала мясо, делая его насыщенным и пряным.

В дополнение к этому Нин Циянь заранее сварил рис. В свете костра, пробивающемся сквозь сумерки, четверо друзей ели с огромным удовольствием. В конце трапезы каждый выпил по чашке наваристого рыбного бульона, наконец-то восполнив долгий дефицит нормальной еды.

Усы, объевшись, откинулся на табурет и довольно рыгнул.

— Не зря мы так старались вырвать эту рыбу! Если бы не нехватка кредитных баллов, надо было взять больше!

Нин Циянь выбрал последнюю рыбную косточку, смешал остатки мяса с рисом и соусом и поставил на пол — Ду Дабао и остальные питомцы уже нетерпеливо ждали.

— Сколько баллов всё это стоило?

Услышав вопрос, Усы посмотрел на Нин Сяовэня. Он и Ду Чэн лишь охраняли Сяовэня в толпе, а расчетами занимался именно он, так что Усы не обратил внимания.

— Креветки по 12 баллов за фунт, толстолобик — 10, амур — 9, улитки — 6. Всё вместе вышло на 164 балла. До завтрашнего начисления баллов на наших счетах теперь пусто.

Ду Чэн и Усы были удивлены. Они-то думали, что всё проще. С креветками и улитками понятно, их взвешивали по фунтам, но рыба была крупной — каждая больше двух фунтов, и цены на всё разные. Умудриться потратить баллы так, чтобы не осталось ни одного, — это

нужно было постараться.

Нин Циянь, подумав, заметил:

— Дешевле, чем я ожидал.

Сейчас морепродукты — большая редкость, он думал, будет дороже.

Нин Сяовэнь покачал головой:

— Не то чтобы дешево, просто товара мало. Успел — купил, не успел — жди в следующий раз. К тому же есть лимиты. На рыбу, независимо от вида и размера, по одному удостоверению дают купить только одну штуку. Лишнего амура мы взяли у Ван Яна и остальных — у них не хватило баллов, да и покупать мелкую рыбу не хотелось, вот они и отдали нам свой лимит.

Нин Циянь кивнул: это было разумно.

После ужина, когда никакой срочной работы не осталось, четверо друзей сидели во дворе и болтали. Был уже сентябрь, и хотя температура пока не спешила падать, долго это продолжаться не могло. Световой день постепенно возвращался в норму. Нужно было заранее решать, стоит ли возвращаться в город, когда похолодает, или лучше остаться в горах.

Летом световой день был очень длинным, а зимой, скорее всего, станет коротким, и ударят экстремальные холода. В городе без отопления и газа было бы гораздо хуже, чем в горах, где хотя бы можно жечь ветки и сухую траву.

Усы и Ду Чэн предлагали остаться в горах — можно заранее подготовиться, собрать побольше дров, пока погода позволяет. А на деревьях, которые выжили, осенью созреют плоды. Хотя территория гор Цанъюнь невелика, за их пределами было ещё много лесов, которые правительство не успело освоить. В крайнем случае, можно уйти дальше, в сторону бесконечных хребтов гор Q.

Нин Циянь и Нин Сяовэнь же хотели следовать за решениями правительства: если власти организуют переселение обратно в город, лучше последовать за ними. Хотя бы ради того, чтобы быть в курсе новостей. К тому же в городе оставалось много складов с ресурсами — кто знает, будет ли что-то производиться в будущем, так что запасы не помешают.

Впрочем, время принимать решение ещё не пришло, и спорить они не стали. Всё прояснится, когда спадет жара.

***

Остатки рыбы, которую не съели сразу, доели за три дня. Позже правительство ещё дважды устраивало вылов рыбы на озере, но по тем же удостоверениям купить её было уже нельзя, поэтому Нин Циянь и его компания перестали следить за этим.

Едва люди в горах отошли от ажиотажа вокруг рыбы, правительство начало прокладывать водопроводные трубы прямо к озеру Слезы.

Линию разделили на четыре ветки, одна из которых шла прямо к подножию их холма, менее чем в пятистах метрах от пещеры Ван Яна. Теперь им не нужно было с огромным трудом спускаться к озеру за водой.

Когда трубы и насосы были установлены, солдаты привезли и установили на выходе средний очиститель воды, чтобы та не загрязнялась по пути.

Пока в горах кипела жизнь, незаметно для всех спала жара.

Однажды в полдень Нин Циянь, проснувшись среди ночи, чтобы сходить в туалет, вышел из пещеры. Изнуряющего зноя, к которому он привык, больше не было. Нин Циянь вдруг понял: засуха и адская жара подходят к концу, наступила осень.

В последующие дни многие начали замечать, что днем снаружи больше не невыносимо жарко. Люди начали передавать это друг другу, и жизнь постепенно возвращалась в прежнее русло: активность днем, сон — ночью.

— Созрел! — в этот день Нин Сяовэнь принес из лесочка два арбуза и на глазах у всех разрезал их.

Алый, сочный мякиш источал сладкий аромат.

Каждый арбуз весил фунтов по восемь. Разрезав их пополам, четверо друзей принялись есть ложками.

— Кайф! — Усы зачерпнул огромный кусок и, даже не выплевывая семечки, проглотил его.

Нин Сяовэнь выбрал семена, положил несколько кусочков в миску Ду Дабао и, увидев, что Усы и Ду Чэн заканчивают, попросил их не выбрасывать белые корки.

Кроме ростков сои, которые они выращивали в пещере, другой зелени почти не было, а в пунктах обмена овощи давали только семьям с детьми или беременными. Корки арбуза — будь то жареные или в виде салата — были отличным дополнением к рациону.

Доев арбузы, Нин Циянь очистил корки от кожуры и красной мякоти, замочив их в воде. Нин

Сяовэнь снова заглянул в лесок, проследил за плетями и нашел ещё один спелый арбуз — его решили отнести Ван Яну и его друзьям.

Поскольку водозаборная станция была рядом, людей там ходило много, и Ван Ян с ребятами, следуя примеру Нин Цияня, огородили участок перед пещерой забором.

Во дворе были только Ван Юань и Лю Цзя, они развешивали белье. Четверых парней не было.

— Ван Ян и остальные ушли? — Нин Сяовэнь вошел во двор, приветствуемый Ван Юань.

— Нет, они внутри, расширяют пещеру. Сейчас не так жарко, решили воспользоваться моментом. Климат странный, кто знает, может, зима наступит сразу после лета. Когда земля замерзнет, копать будет трудно, — объяснила Ван Юань. — Вы их ищете? Я позову.

Нин Сяовэнь покачал головой и приподнял арбуз.

— У нас арбузы поспели, решили угостить вас.

Ван Юань и Лю Цзя замахали руками, отказываясь.

Возле водозабора всегда было много людей, и многие выставляли на продажу ненужные вещи, меняя их на еду или одежду. Фрукты были большой редкостью, даже дикие ягоды, которые находили в лесу, были кислыми и терпкими, но люди всё равно менялись. А такой крупный, спелый арбуз — это целое состояние. Даже если не менять его здесь, на официальном рынке внизу можно было получить много кредитных баллов.

Нин Сяовэнь не стал спорить, просто оставил арбуз и пошел прочь.

У них самих хватало баллов, а арбузов на двух плетях было всего около десяти. Один отдать не жалко, а менять на что-то другое они не хотели — не хватало ещё привлекать к себе лишнее внимание.

Ван Юань покраснела и попыталась остановить Нин Сяовэня — они и так постоянно получали от них помощь и советы, как можно просто так принять целый арбуз?

Однако тихая и послушная Лю Цзя удержала её за руку и покачала головой.

Хотя из-за своей замкнутости она редко говорила с Нин Сяовэнем, она понимала: раз он принес, назад не заберет. Отказываться — значит проявлять холодность. Лучше принять доброту и при возможности отплатить тем же.

Начиная с этого дня, арбузы поспевали один за другим. Всего на двух плетях выросло девять штук, и за несколько дней четверо друзей наелись их досыта.

— Циянь, Сяовэнь, есть дома лекарства от ран? — спросил Усы, вернувшись с водозабора с пустым ведром (вода в баке закончилась, так как Нин Циянь и Нин Сяовэнь стирали постельное белье).

Они переглянулись, убедились, что Усы не ранен, и спросили:

— Есть, а что?

— Много? Там на станции кто-то продает диких кроликов, но меняют только на лекарства от ран. — Усы поставил ведро.

— Кроликов? — глаза Нин Цияня загорелись.

Консервы и вяленое мясо закончились, а за курами и утками Нин Сяовэнь следил строго, не давая Нин Цияню шанса пустить их под нож. Нин Циянь ещё держался, но Ду Чэн и Усы — настоящие хищники — уже изнывали от нехватки мяса.

Усы ухмыльнулся и кивнул:

— Дикие кролики! Довольно упитанные, мяса будет много.

Нин Циянь вскочил, забежал в пещеру, набрал разных лекарств в черный пакет и направился к водозабору.

Нин Сяовэнь, глядя, как Усы с горящими глазами семенит следом, беспомощно улыбнулся, стряхнул капли воды с рук, запер на замок новую рольставню на входе и пошел за ними.

Нин Циянь был рассудителен в больших делах, но в быту и торговле часто терялся. Усы и подавно. Их могли легко обмануть. Сейчас времена тяжелые, нужно экономить.

Он считал, что если бы Ду Чэн взялся за дело всерьез, то решил бы любой вопрос с минимальными затратами. Но Ду Чэн всегда во всем потакал Нин Цияню, делая так, как тот хочет. Ду Чэн, скорее всего, считал, что раз Нин Циянь доволен, то неважно, сколько баллов или лекарств было потрачено.

Когда Нин Сяовэнь подошел к водозабору, он увидел, что Циянь и Усы разглядывают полуживых кроликов, а продавец сидит напротив и довольно улыбается.

— Брат, почем кролики? — прямо спросил Нин Сяовэнь.

— Мне нужны лекарства от ран. Лучше всего Юньнань Байяо, но подойдут и любые другие спреи или мази от ушибов и кровотечений.

Нин Сяовэнь кивнул, забрал у Нин Цияня черный пакет с лекарствами и присел, чтобы осмотреть кроликов. Убедившись, что животные пострадали от внешних травм, он выбрал самого крупного и начал торговаться.

Нин Циянь пожал плечами, глядя, как Сяовэнь забрал пакет. После случая с рыбой он понял, что Нин Сяовэнь, который обычно казался ведомым, невероятно проницателен в торговле. Теперь, если товар не был в пункте обмена с фиксированной ценой, лучше всего было доверять переговоры Сяовэню.

Сяовэнь не сбивал цену сразу до минимума, как другие. Он спрашивал, что нужно продавцу, наблюдал за его тоном и мимикой, угадывая минимальную цену, на которую тот готов согласиться. В девяти случаях из десяти сделка заключалась на его условиях. В десятом — он просто отказывался, если цена была выше ожидаемой.

Так было и сейчас.

У них был спрей Юньнань Байяо, который требовался продавцу. В пункте обмена такой флакон стоил около сорока баллов, что эквивалентно сорока фунтам риса.

Продавец знал, что у них есть лекарство, и хотел обменять одного кролика на два флакона.

Нин Сяовэнь взвесил кролика на руке — самый крупный весил около четырех фунтов, включая шкуру и внутренности.

Он знал, как разделывать кролика: после удаления головы, лап и шкуры останется максимум два фунта мяса. То есть восемьдесят фунтов риса за два фунта мяса на кости. Это было слишком дорого.

http://bllate.org/book/18708/1808074